

На правах рукописи

Изумрудов Юрий Александрович

**ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БОРИСА САДОВСКОГО:
ПРОБЛЕМАТИКА, ПОЭТИКА, КОНТЕКСТ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Нижний Новгород – 2022

Работа выполнена на кафедре русской литературы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный консультант:

доктор филологических наук, доцент
Юхнова Ирина Сергеевна

Официальные оппоненты:

Солнцева Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, профессор;

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, Институт языка, литературы и истории ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения РАН», отдел языка, литературы и фольклора, сектор фольклора (Сыктывкар); главный научный сотрудник;

Кошелев Анатолий Вячеславович, доктор филологических наук, доцент, государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Новгородской области» (ГОКУ «ГАНО»), старший научный сотрудник.

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет»

Защита состоится «*29*» *сентября* 2022 г. в *11* ч. на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, и на сайте <http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан « » 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется следующими аспектами. Монографическое изучение творчества Бориса Александровича Садовского, талантливого, оригинального писателя, во многом недооцененного как при жизни, так и после смерти, углубляет представления об истории русской литературы конца XIX – первой половины XX в. Введенные в научный оборот архивные материалы расширяют поле литературного процесса, позволяют уточнить особенности рецепции современниками творчества ведущих писателей эпохи, в частности А.А. Блока, М. Горького. Выявление скрытого полемического подтекста мистификаций Садовского стимулирует дальнейшее изучение этого вида литературного творчества. Актуальность исследования связана также с тем, что в нем найдены новые подходы к изучению нижегородского регионального литературного процесса.

Борис Садовской занимал особое место в литературном процессе своего времени, пережил сложную творческую эволюцию. Исследователями и критиками Садовской долгое время квалифицировался писателем одиозным, «не созвучным эпохе», упадочным декадентом. По идеологическим причинам его произведения в Советской России не печатались. Сформировалась традиция соотносить имя Садовского с худшими тенденциями того исторического периода, в рамках которого развивалась его творческая деятельность. Вот что, к примеру, писал в установочной статье в масштабном томе «Литературного наследства», посвященном русскому символизму, в 1937 году авторитетный ученый-философ В.Ф. Асмус: «Неутомимый в измышлении гаденькой контрреволюционной клеветы, Борис Садовской третировал Белинского... В программной для “Весов” статье “О старой и новой критике”, написанной в дни великих событий первой русской революции, Садовской развернул оценку развития русской критики, напоминающую антимарксистские и антилиберальные завывания современных фашистов. В лице Садовского и других сотрудников “Весов” русский буржуазный интеллигентский либерализм порывает не только со всякой демократией, но и с самим либерализмом. Изучающим историю возникновения фашистской идеологии безусловно придется поставить вопрос о роли символизма в этом возникновении»¹. Конечно же, из всего этого были сделаны соответствующие выводы относительно места Садовского в современной литературе. Чуть раньше, в 1935 году,

¹ Асмус В.Ф. Философия и эстетика русского символизма / В.Ф. Асмус // Литературное наследство. Т. 27 – 28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 7.

А.А. Волков охарактеризовал Садовского «эстетствующим обывателем» и дал негативную оценку его книге «Самовар»: «Целую книгу стихов Садовской посвятил... самовару. <...> Разве это не живое свидетельство идейного крохоборства? В этом случае никакой талант не может предохранить художника от художественного вырождения. Тема самовара берется в разных аспектах. <...> Идея каждого стихотворения этого цикла органически увязана с этим атрибутом буржуазно-мещанского быта. Действительно можно повторить вслед за некоторыми пессимистическими ревнителями российской словесности: “до чего дошла русская поэзия”»². Между тем в «Самоваре» была подчеркнута важность сохранения животворных национальных традиций *со-гласия, со-понимания, со-участия* (эта книга и прежде всего ее метатекстовые идеи имеют концептуальное значение для данной диссертации).

Подобный категоризм суждений можно объяснить мрачными 1930-ми годами. Но и во времена более поздние отношение к Б.А. Садовскому в главном не менялось. Прочитав слова внучатой племянницы писателя Е.А. Новиковой о ее впечатлениях от статьи Б.И. Соловьева «“Вехи”, или Катехизис предательства. К 60-летию опубликования статьи В. И. Ленина “О “Вехах”»» («Октябрь», 1969), записанные нами в 1997 году: «Помню чувство неловкости, когда я прочла следующее: “Борис Садовской пытался отгородить искусство от самых живых и плодотворных источников вдохновения, от связи с народом, с жизнью, с современностью, тем самым обрекая его на прозябание и застой”. Дальше – больше: оказывается, Б. Садовской – ретроград и крепостник, а его высказывания вообще весьма характерны для всего реакционного лагеря! Понятно, почему долгие и долгие годы Бориса Садовского не печатали»³.

В 1973 году уже в другой своей статье Б.И. Соловьев по сути так же высказался о Садовском: «...закоренелый крепостник, ослепленный злобой ко всему, что было в его глазах “потрясением основ” милой ему, старой, патриархально-дворянской жизни. Ему казалось, что для ее защиты хороши все способы и все средства – вплоть до самых предосудительных»⁴.

С наступлением перестройки в СССР и утверждением новой общественно-политической системы наметились принципиальные изменения в трактовке творческой деятельности Садовского, стали осознаваться ее масштаб и эстетическая значимость, а интерес к Серебряному веку акцентировал и внимание к Садовскому. Были изданы сборники его прозы и

² Волков А.А. Поэзия русского империализма / А.А. Волков. М.: Гослитиздат, 1935. С. 91, 92.

³ Новикова Е.А. Возвращение / Е.А. Новикова // Архив Ю.А. Изумрудова. С. 2–3.

⁴ Соловьев Б.И. От истории к современности / Б.И. Соловьев. М.: Советский писатель, 1973. С. 149.

поэзии, мемуары, неизвестные архивные тексты, эпистолярные материалы. Появилось понимание того, что пусть Садовской и не был на первых ролях в литературном процессе, но успешно способствовал утверждению его ведущих тенденций. Не случайно Брюсов пригласил его в журнал «Весы» в качестве постоянного сотрудника. Историю этого знаменитого издания невозможно представить без него. Ныне «Весы» – важнейший источник в исследовании русского модернизма.

Становится реальностью то, на что надеялся и во что верил не публикуемый в советской стране писатель. Записывая в своем дневнике: «И зачем бы мне писать эпопею? На кой ляд? Читать ее не будут... **Не нужен я.** <...> Я уволенный в отпуск труп»⁵, – он при этом хранил весь свой обширный архив, составлял план собрания своих сочинений, распределяя все написанное по томам. В настоящее время нами подготовлено к изданию полное собрание сочинений Садовского. Нами выявлены в государственных и частных архивах неизвестные тексты писателя (а это проза, поэзия, драматургия, мемуары, письма), различные материалы для характеристики биографии и творчества, которые публикуются в научной периодике с сопроводительными статьями и комментариями. Научным обоснованием этой работы стала настоящая диссертация, что также подчеркивает ее актуальность.

Степень изученности проблемы. Научное осмысление творчества Бориса Александровича Садовского началось со второй половины 1980-х годов. В этом значимы заслуги сотрудника РГАЛИ С.В. Шумихина. Большой резонанс вызвала его статья «Мнимый Блок?» в блоковском томе «Литературного наследства»⁶. Она посвящена литературным мистификациям Садовского, прежде всего «блоковским». Именно в этой статье окончательно решился важный вопрос о подлинном авторе «Солдатской сказки», впервые напечатанной в журнале «Новая Россия» в 1926 году за подписью А.А. Блока и вошедшей в дальнейшем в его собрание сочинений. Оказалось, что она была сочинена самим Садовским, то есть является мистификацией. Однако С.В. Шумихин прошел мимо другого не менее важного вопроса – о глубинном смысле произведения. В той же статье С.В. Шумихин, в частности, высказался и о других предложенных Садовским «Новой России» текстах для публикации – письмах к нему В.Я. Брюсова и В.В. Розанова. И сделал осторожное заключение, не привлекая доказательную базу: «Вероятно, письма Брюсова и Розанова все же подлинные. Однако <...>

⁵ Садовской Б.А. Заметки. Дневник (1931-1934) / Б.А. Садовской // Знамя. 1992. №7. С. 184.

⁶ Шумихин С.В. Мнимый Блок? / С.В. Шумихин // Литературное наследство. Т. 92. Книга 4. М.: Наука, 1987. С. 736–751.

однозначный ответ дать трудно. Слишком уж “темновато” происхождение многих текстов, идущих от Садовского. Слово – за не попавшими пока в поле зрения исследователей архивными материалами, которые могут хранить ответы на поставленные вопросы»⁷. Это замечание обозначило важное направление возможных исследований творчества Садовского – изучение его мистификаций. Как замечает С.В. Шумихин: «Стиль письма Розанова выдержан безукоризненно. Это его язык, его идеология. Если предположить, что перед нами имитация Садовского, то надо признать, что до такого полного проникновения в дух и букву стилизуемого источника он прежде никогда не доходил. К тому же пока не обнаружено других примеров, когда Садовской подделывал письма, адресованные к нему, – до сих пор мистифицировалось художественное творчество, записки, мемуары вымышленных или реальных лиц»⁸. Таким образом, с одной стороны, была обозначена необходимость архивных изысканий, с другой – указано на уникальное чувство стиля у Садовского.

Помимо С.В. Шумихина тему стилизаций разрабатывал И.Н. Сухих⁹, указавший на поддельность письма А.П. Чехова Садовскому. Необходимо также упомянуть краткую заметку М.Д. Эльзона¹⁰ 1982 года, констатирующую, что мемуары некоего Н.И. Попова, опубликованные в 1926 году в журнале «Красная нива» Садовским, им же и сочинены. Затронул вопрос о мистификациях Садовского С.Н. Пяткин. Осуществив детальный контекстный анализ мемуарного очерка Садовского «Встреча с Есениным», который С.В. Шумихин считает мистификацией, С.Н. Пяткин приходит к заключению: «В конечном счете, мы склонны утверждать, что “Встреча с Есениным” изначально не подлог и не мистификация, а художественное произведение, с лукавым и умелым изяществом стилизованное автором под мемуарный жанр литературных воспоминаний, который ценен в первую очередь как художественный документ эпохи со смысловым акцентом на последнем слове. Документ, обладающий известным правом художника на собственную точку зрения. Эпохи, которая еще теплится в воспоминаниях

⁷ Шумихин С.В. Мнимый Блок? / С.В. Шумихин // Литературное наследство. Т. 92. Книга 4. М.: Наука, 1987. С. 750.

⁸ Шумихин С.В. Мнимый Блок? / С.В. Шумихин // Литературное наследство. Т. 92. Книга 4. М.: Наука, 1987. С. 750.

⁹ Сухих И.Н. Пять этюдов / И.Н. Сухих // Нева. 2014. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2014/3/chehov-v-hh-veke.html> (дата обращения: 20.09.2019); Сухих И.Н. Об одном письме и одном поэте. Еще одна мистификация Бориса Садовского? / И.Н. Сухих // Текст и традиция: Альманах. 2. СПб.: Росток, 2014. С. 26 – 36.

¹⁰ Эльзон М. Д. О «Воспоминаниях» Н.И. Попова и их авторе / М.Д. Эльзон // Русская литература. 1982. № 3. С. 205–206.

Садовского, что с каждым днем “блѣкнут и делаются” для него “нелюбопытными”»¹¹.

Большой интерес представляет статья С.В. Шумихина «Практика пушкинизма»¹², востребованная всеми, кто изучает творчество Садовского. Статья эта акцентирует пушкинскую тему у Садовского, вводит в исследовательский оборот большой корпус эпистолярных документов.

С.В. Шумихин ввел в научный оборот обширный архивный материал, в котором были воссозданы основные вехи биографии Садовского¹³, но главное – опубликована часть художественного наследия писателя. Начиная с работ С.В. Шумихина, можно говорить о формировании садовсковедения как самостоятельного раздела литературоведения.

Следующим этапом в изучении творчества Садовского стал его филологический анализ. В этом направлении следует отметить значимые в методологическом отношении статьи нижегородских ученых В.Ю. Белоноговой¹⁴, Г.Л. Гуменной¹⁵, С.Н. Пяткина¹⁶. Так, С.Н. Пяткин детально интерпретирует прозу и поэзию Садовского, а также его критику, подчеркивая определяющее воздействие пушкинского творчества на художественное становление писателя. С.Н. Пяткин формулирует тезис, имеющий концептуальное значение: «Пушкинское имя <...> является своего рода идейно-художественным центром художественного мира

¹¹Пяткин С.Н. «Мои воспоминания блекнут и делаются для меня нелюбопытными...» Б. Садовской и С. Есенин / С.Н. Пяткин // Современное есениноведение» 2013. №25. С. 77.

¹² Шумихин С.В. Практика пушкинизма (1887—1999) / С.В. Шумихин // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 131 – 203.

¹³ Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921) // Наше наследие. 2008. № 83-84. С. 84 – 111; №. 85. С. 76 – 115; Кондратьев А.А. Письма Б.А. Садовскому // De visu. 1994. № ½ (14). С. 3 – 39; Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913-1918 // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.-СПб.: Феникс – Ahteneum, 1992. С. 340-377; Судьба Юрия Никольского (Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б.А. Садовскому // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 19. М., СПб.: Ahteneum - Феникс 1996. С. 135-198.

¹⁴ Белоногова, В. Ю. Н.В. Гоголь как персонаж в творчестве Бориса Садовского / В. Ю. Белоногова // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. М.: Новосибирский издательский дом, 2015. С. 183-189; Белоногова В.Ю. Пушкин и Гоголь в творчестве Бориса Садовского / В.Ю. Белоногова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 102-106.

¹⁵ Гуменная Г.Л. Пушкинская традиция шутильной поэмы у Б.А. Садовского (поэма «Она») / Г.Л. Гуменная // Болдинские чтения 2014 (6). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 94-101; Гуменная Г.Л. Пушкинское присутствие в сборнике Б.А. Садовского «Позднее утро» / Г.Л. Гуменная // Парадигма: Философско-культурологический альманах. 2016. № 24. С. 71-82; Гуменная Г.Л. Пушкинские эпиграфы в сборнике Б.А. Садовского «Позднее утро». Болдинские чтения, 2016. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016; 168 - 178.

¹⁶ Пяткин С.Н. Образ Пушкина в прозе Б.А. Садовского / С.Н. Пяткин // Болдинские чтения 2012. Большое Болдино (Нижегородская обл.): Гос. лит.-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», 2012. С.60 – 70; Пяткин, С. Н. Борис Садовской как автор двух сюжетов об А. И. Полежаеве / С. Н. Пяткин // Научный диалог. 2013. № 10(22). С. 48-60; Пяткин, С. Н. «Властители» и «поэты» в творчестве Б. А. Садовского / С. Н. Пяткин // Научный диалог. – 2018. № 11. С. 127-138; Пяткин С. Н. Очерк «М.Ю. Лермонтов» Б.А. Садовского в контексте критических рецепций личности поэта конца XIX - начала XX века / С. Н. Пяткин // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности: Коллективная монография. Нижний Новгород: НГПУ им. Козьмы Минина, 2021. С. 102-112.

Б. Садовского»¹⁷. Акцентирует пушкинскую тему у Садовского и Г.Л. Гуменная. В частности, она избирает для анализа первый сборник стихов «Позднее утро», озаглавленный, по признанию самого автора, влиянием «пушкинской школы»¹⁸, и подчеркивает: «...пушкинское наследие постоянно находится в кругу внутренних притяжений Садовского. Пушкинское присутствие сказывается в общей организующей идее сборника – в эволюции от “младости <...> мятежного течения” к идеальному бытию в гармонии с природой и “покою”, пушкинские эпитафии задают темы и мотивы собственных лирических размышлений поэта. Однако Садовской не только подхватывает, но и переосмысляет мотивы творчества своего кумира дореволюционной поры – в соответствии с выстроенной им линией неопушкинского направления поэзии: от Пушкина через Фета к Брюсову»¹⁹. В другой своей статье о «Позднем утре» Гуменная заключает: «...пушкинианство – сознательно избранная позиция поэта эпохи “серебряного века”, обозначение им художественного идеала и той традиции, которой он наследует»²⁰.

Разные аспекты поэтики прозы Садовского – в центре внимания самарского исследователя Н.Н. Кисловой. Она, в частности, рассматривает такую важную особенность конструирования Садовским художественной реальности, как стилизация, и резюмирует: «Если для ряда художников имитация стилей была лишь элементом поиска своей манеры письма и в литературном процессе со временем утрачивала свое значение, то для Б.А. Садовского этот метод стал основой новеллистического творчества. В стилизациях Б.А. Садовского есть особый художественный замысел. Эстетическая двусмысленность, все время ощущаемая в стилизованном повествовании, порождает “эффект несовпадения” и в конце концов оборачивается смысловой двойственностью, амбивалентностью восприятия. При этом авторская точка зрения надежно камуфлируется стилем, избранной манерой повествования. Притягательность и плодотворность стилизации в начале XX века может быть объяснена ее художественными свойствами: облачение творческого замысла в канонические литературные формы прошедших эпох помогает писателю обозначить тайные и вечные смыслы в

¹⁷ Пяткин С.Н. Образ Пушкина в прозе Б.А. Садовского / С.Н. Пяткин // Болдинские чтения 2012. Большое Болдино (Нижегородская обл.): Гос. лит.-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», 2012. С. 62.

¹⁸ Садовской Б.А. Позднее утро: Стихотворения / Б.А. Садовской. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1909. С. 3.

¹⁹ Гуменная Г.Л. Пушкинское присутствие в сборнике Б.А. Садовского «Позднее утро» / Г.Л. Гуменная // Парадигма: Философско-культурологический альманах. 2016. № 24. С. 81.

²⁰ Гуменная Г.Л. Пушкинские эпитафии в сборнике Б.А. Садовского «Позднее утро» / Г.Л. Гуменная // Болдинские чтения, 2016. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 169.

событиях современности, избежать грубой прямолинейности в обозначении проблем своего времени, выразить неприятие настоящего»²¹.

Н.Н. Кислова затрагивает также и обозначенный выше пушкинский аспект творчества Садовского – на примере статьи «Г.Р. Державин» из книги критической прозы «Русская Камена». Исследователь отмечает: «Через всю статью Б.А. Садовской проводит мысль о том, что А.С. Пушкин мог появиться именно после Г.Р. Державина, да и сам поэт сказал перед смертью С.Т. Аксакову: “Скоро явится свету новый Державин: это Пушкин, который уже в лице перещеголял всех писателей”. Пушкин нужен был русской поэзии как вестник новой жизни. Таким образом, “мысли, картины и движения” поэтических произведений Г.Р. Державина стали той благодатной почвой, на которой был взращен гений А.С. Пушкина»²².

Краткий, но весьма содержательный анализ романа Садовского «Приключения Карла Вебера» дал в своей монографии о русской прозе 1920-1930 годов Д.Д. Николаев. Он точно подметил как уникальные художественные достоинства произведения, так и его скрытый идейный смысл (по сути, такое толкование романа – первое в отечественных исследованиях): «Весьма необычен по своему внутреннему заданию авантюрный роман Б.А. Садовского “Приключения Карла Вебера”. Помимо пародийного звучания, его выделяет прежде всего “тенденциозность”, неожиданная и, казалось бы, невозможная в рамках избранной – условной – жанровой формы. Если большинство русских писателей в данный период лишь “отталкивалось” от классической авантюрной структуры, создавая произведения приключенческие, т.е. использовали приемы и схемы модернизированного в девятнадцатом веке авантюрного романа, что, естественно, облегчало достижение поставленной задачи, то Садовской выбирает максимально сложный путь. Его роман, возвращающий читателей в восемнадцатый век, сохраняет все внешние признаки классических образцов. Писателю удастся одновременно и решить крайне трудную эстетическую задачу, и выразить свои политические взгляды: несмотря на “контрреволюционность”, роман, созданный в СССР в начале 1920-х годов, смог затеряться среди “идеологически выверенных” произведений»²³.

²¹ Кислова, Н. Н. Стилизация как авторская стратегия XX века (на примере творчества Б.А. Садовского) / Н. Н. Кислова // Поволжский педагогический вестник. 2017. Т. 5. № 4(17). С. 90.

²² Кислова Н. Н. Б.А. Садовской о творчестве Г.Р. Державина (на материале сборника «Русская Камена») / Н. Н. Кислова // Самарский научный вестник. 2014. № 2(7). С. 50.

²³ Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: Авантюрная, фантастическая и историческая проза / Д.Д. Николаев. М.: Наука. 2006. С. 105.

Выделим еще ряд научных исследований. Так, проблема стилизации в прозе Садовского занимает Е.С. Купреянову²⁴, Д.Ю. Голынку²⁵, О.А. Попову²⁶. Лирические циклы Садовского изучают Д.В. Калачева²⁷, О.А. Лекманов²⁸, мемуаристику в русле литературного краеведения К.А. Жулькова²⁹. Есть работы, рассматривающие жизненный и творческий путь Садовского в контексте взаимоотношений с современниками³⁰. Несомненную ценность в садовсковедении имеют исследования И.П. Андреевой, Т.В. Анчуговой, включающие в научный оборот неизвестные эпистолярные материалы³¹. Цикл интересных статей, изобилующих неизвестными архивными фактами о друге Садовского поэте Юрии Сидорове опубликовал В.В. Савелов³². Характер творческих контактов Садовского с С.А. Клычковым первой осветила Н.М. Солнцева. Она опубликовала и прокомментировала письма С.А. Клычкова Садовскому от 19

²⁴ Купреянова Е.С. Карнавальная поэтика в исторических стилизациях Б.А. Садовского / Е.С. Купреянова // *Формы художественного мышления в современной литературе*. Ташкент, 1993. С. 34 – 36; Купреянова Е.С. Становление и развитие исторических стилизаций в прозе Б.А. Садовского / Е.С. Купреянова // *Традиции и новаторство в русской литературе*. Ташкент, 1992. С. 44 – 45.

²⁵ Голынка Д.Ю. Bagatelle. Анализ творчества Бориса Садовского / Д.Ю. Голынка. [Электронный ресурс]. <http://www.sadovskoi.ru/author/dmitriy-golynko.html>. (дата обращения: 14.11.2020).

²⁶ Попова, О. А. Способы стилизации в русской прозе начала XX века / О. А. Попова // *Актуальные вопросы гуманитарных и социально-экономических наук*. Пермь: Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. С. 96-106.

²⁷ Калачева, Д. В. Лирические циклы Б.А. Садовского / Д. В. Калачева // *Актуальные вопросы передовых научных исследований*. Санкт-Петербург: ЕНМЦ «Мультидисциплинарные исследования», 2020. С. 37-39.

²⁸ Лекманов О.А. «Страшно жить без самовара...» К 105-летию выхода книги Б. Садовского «Самовар» / О.А. Лекманов. [Электронный ресурс]. https://magazines.gorky.media/novy_mi/2019/2/strashno-zhit-bez-samovara.html (дата обращения: 14.11.2020).

²⁹ Жулькова К. А. Литературное краеведение: воспоминания о Кавказе В.В. Розанова и Б.А. Садовского. (сводный реферат) / К. А. Жулькова // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*. 2013. № 3. С. 215-221.

³⁰ Глуховская, Е. А. В. О. Нилендер в кругу поэтов "нео-пушкинской школы" / Е. А. Глуховская // *Русская литература*. 2021. № 2. С. 133-144; Стогов Д. И. Б. В. Никольский и Б. А. Садовской об императоре Александре III / Д. И. Стогов // *Русско-Византийский вестник*. 2020. № 1(3). С. 270-285; Сугай Л. А. Образ Гоголя в поэтическом отражении Сергея Соловьева и Бориса Садовского / Л. А. Сугай // *Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения*. М.: Новосибирский издательский дом, 2015. С. 174-182.

³¹ Андреева И.П. Публикация писем В.Ф. Ходасевича Б.А. Садовскому. Комментарии к письмам и послесловие «На перекрестке двух дорог...» / И.А. Андреева // *Ходасевич В.Ф. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому*. М.: Согласие. С. 330 – 461; Андреева И.П. «Чукоккала» и около / И.П. Андреева // *De vizu: Историко-литературный и библиографический журнал*. 1994. № 1/2. С. 49 – 61; Анчугова Т.В. «В Москве многое запрятано в глубину» (Борис Садовской и Ольга Шереметева: неизвестные материалы). *Московский архив. Историко-краеведческий альманах*. Москва, 2002. Выпуск 3. С. 454; Анчугова Т.В. Из переписки Б.А. Садовского с О.Г. Чубаровой-Шереметевой / Т.А. Анчугова // *Садовской Б.А. Морозные узоры: Стихотворения и письма*. М.: Водолей, 2011. С. 402 – 473;

³² Савелов В.В. Краткая биография Ю.А. Сидорова: Опыт реконструкции / В.В. Савелов. [Электронный ресурс]. https://studopedia.net/10_42247_obuchenie-v-universitete-literaturnie-znakomstva.html (дата обращения: 14.11.2021); Савелов В.В. «Стихотворения» Ю.А. Сидорова – мемориальная книга периода «кризиса символизма» / В.В. Савелов // *Кризисные ситуации и жанровые стратегии*. М.: Эдитус, 2017. С. 23–34; Савелов В.В. А.А. Сидоров и Андрей Белый / В.В. Савелов // *Новый филологический вестник*. 2016. №3(38). С. 96–106.

апреля и 2 июля 1912 года, а также дарственную Садовскому на книгу стихов Клычкова «Песни. Печаль-Радость – Лада – Бова» (1911)³³.

Еще одним важным направлением в исследованиях творчества Садовского стало изучение фетовской темы³⁴. Среди современников Садовской считался одним из самых авторитетных знатоков биографии и поэзии А.А. Фета, которого почитал наравне с Пушкиным, собирал его автографы, писал о нем статьи и готовил к изданию специальную книгу «А.А. Фет. Жизнь и творения. Хронологическая канва».

Обобщая вышеизложенное, заметим: в настоящее время уже сложились некоторые традиции в изучении творчества Садовского, накоплен богатый материал, акцентированы концептуально значимые темы, выявлены сущностные аспекты художественной индивидуальности писателя. Среди перспектив выделим: необходимость более глубокого изучения послереволюционного творчества с его двуплановостью, скрытым смыслом, метатекстовыми связями; введение в научный оборот неизвестных текстов (в частности, литературно-критических, эпистолярных); исследование литературных мистификаций, драматургии, журналистской деятельности. И, конечно же, насущной задачей является написание научной биографии и подготовка научного собрания сочинений.

Отметим, что пока еще нет комплексных исследований творчества Садовского, которые учитывали бы разные грани его деятельности, способствовали введению в научный оборот его неизвестных текстов. Также нет диссертационных работ о творчестве Садовского. Данное исследование является первым опытом в этом плане.

Объектом данного исследования является творческое наследие Б.А. Садовского: *опубликованные произведения* («Солдатская сказка», «За сухое дерево месяц зацепился...», «Автопародии» Блока, «Встреча с Есениным», «Лишь заискрится бархат небесный...», «Белая ночь» («Барон»), «Воспоминания о Н.А. Некрасове» (Н.И. Попова), «“Синее небо отчизны моей”: Стихотворения С.М. Степняка-Кравчинского» (Воспоминания Н.И. Попова), «Горький в Нижнем», «Неопубликованное письмо Чехова»), *неопубликованные тексты* (из фондов РГАЛИ: «Наполеоны серебродеды», «Наполеон в русской поэзии», «Два канцлера», «Философия брака», «Черный перстень», «Мальтийский рыцарь», «Лиза»; из архива М.А. Яхонтовой:

³³ Солнцева Н.М. Гость чудесный: Наследие Сергея Клычкова / Н.М. Солнцева // Литературное обозрение. 1987. № 5. С. 110, 112.; Солнцева Н.М. Китежский павлин: Филологическая проза. Документы. Факты. Версии / Н.М. Солнцева. М.: Скифы, 1992. С. 123 – 124; Клычков С.А. Собр. соч.: В т. Т. 2 / С.А. Клычков. М.: Эллис Лак, 2000. С. 613 – 614.

³⁴ Ипатова С.А. Б. А. Садовской о Фете, Или как не состоялась книга «А.А. Фет. Жизнь и творения» (1913 / С.А. Ипатова // А. А. Фет: Материалы и исследования. Т. 4. М.; СПб.: ООО «Изд-во “Росток”». С. 146-185; Асланова Г.Д. Роковое «фетианство» / Г.Д. Асланова // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55–59.

«Венимин Терновский», «Ловя счастливые минуты...», «Первоапрельские затеи...», «Тень ангела прошла с величием царицы...»; из архива Н.Я. Яковлевой: <Письмо к Е.А. Садовской>). Также были учтены все опубликованные тексты Садовского (как в книжных изданиях, так и в периодике), материалы личных фондов Садовского в РГАЛИ и РГБ (Москва), некоторые материалы других архивных фондов (в том числе личного собрания Ю.А. Изумрудова).

Предмет исследования – поэтика, проблематика, контекст литературных мистификаций Б.А. Садовского и его неизвестных текстов из архивов.

Методологическую базу исследования составили труды в области изучения литературы Серебряного века: И.В. Корецкой³⁵, Н.А. Богомолова³⁶, А.В. Лаврова³⁷, Р.Д. Тименчика, Н. Букс, Н.Д. Тamarченко³⁸, Н.М. Солнцевой³⁹, Е.В. Ермиловой⁴⁰, В.Э. Молодякова⁴¹, С.А. Коваленко⁴², Р.Л. Щербакова⁴³, М.Л. Гаспарова⁴⁴ и др. Важное методологическое значение имеет академическое издание, подготовленное ИМЛИ им. А.М. Горького: «Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книги 1 и 2. М.: Наследие, 2000, 2001»⁴⁵. В целях интерпретации творчества А.А. Блока, А.М. Горького востребованы книги В.Н. Орлова, З.Г. Минц⁴⁶, П.В. Басинского, Л.А. Спиридоновой, Е.В. Ивановой⁴⁷ и др. Понимание сущности и приемов литературной мистификации и стилизации определяется работами Е.Л. Ланна, И.Л. Поповой, А.Л. Гришунина⁴⁸, А.М. Грачевой, М.М. Бахтина⁴⁹. При раскрытии пушкинской темы в творчестве Садовского учитывались труды таких пушкинистов, как Ю.М. Лотман, Н.Я. Эйдельман, В.А. Кошелев, Н.И. Михайлова, С.Г. Бочаров, а также академическое издание

³⁵ Корецкая И.В. Над страницами русской поэзии и прозы начала века / И. Корецкая. М.: Радикс, 1995. 377 с.

³⁶ Богомолов Н.А. Разыскания в области русской литературы XX века: В 2 т. / Н.А. Богомолов. М.: НЛЮ, 2021. 548 с.; 584 с.

³⁷ Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации / А.В. Лавров. М.: НЛЮ, 2015. С.768.

³⁸ Тamarченко Н.Д. Русская повесть Серебряного века (Проблемы поэтики, сюжета и жанра) / Н.Д. Тamarченко. Москва : INTRADA, 2007. - 255 с.;

³⁹ Солнцева Н.М. Китежский павлин: Филологическая проза. Документы. Факты. Версии / Наталья Солнцева. М.: Скифы, 1992. 431 с

⁴⁰ Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма / Е.В. Ермилова. М.: Наука, 1989. С. 176 с.

⁴¹ Молодяков В. Э. Валерий Брюсов. Будь мрамором / Василий Молодяков. М.: Молодая гвардия, 2020. 543 с.

⁴² Коваленко С. А. Анна Ахматова / С.А. Коваленко. М.: Молодая гвардия, 2009. 344 с.

⁴³ Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л. Брюсов / Н.С. Ашукин, Р.Л. Щербаков. М.: Молодая гвардия, 2006. 689с.

⁴⁴ Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях / М.Л. Гаспаров. М.: Высшая школа, 1993. 272 с.

⁴⁵ «Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн.1 и 2. М.: Наследие, 2000, 2001. 960 с.; 768 с.

⁴⁶ Минц З.Г. Поэтика Александра Блока / З.Г. Минц. СПб.: «Искусство-СПб», 1999. 727 с.

⁴⁷ Иванова Е.В. Александр Блок: последние годы жизни / Е.В. Иванова. СПб.: Росток, 2012. 608 с.

⁴⁸ Гришунин А.Л. Мистификации литературные / А.Л. Гришунин. // Краткая литер. Энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. Стб. 866 – 868.

⁴⁹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.

ИРЛИ: «Пушкинская энциклопедия: Произведения» (4 выпуска). Учитывались исследования по истории русской литературы XIX и первой половины XX веков В.А. Котельникова⁵⁰, А.В. Федорова⁵¹, Н.М. Примочкиной⁵², Д.Д. Николаева, Д.А. Жукова и др.

В диссертации использовались биографический, типологический, культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, историко-функциональный методы, приемы мотивного, структурного анализа литературного произведения, источниковедческий анализ.

Цель исследования – осуществить многоаспектный анализ литературного наследия Бориса Садовского: охарактеризовать особенности проблематики и поэтики его произведений; выявить значимые для писателя интертекстуальные и метатекстуальные связи.

Цель конкретизируется в постановке следующих исследовательских **задач**:

1. Охарактеризовать жанровый состав творческого наследия Бориса Садовского.
2. Доказать, что мистификации в творчестве Бориса Садовского являются характерным явлением, отражающим сущностные черты его художественной системы.
3. Дать комплексный анализ мистификации «Солдатская сказка»: рассмотреть ее творческую историю, обосновать датировку, охарактеризовать особенности поэтики и проблематики, раскрыть историко-литературный контекст топонимов.
4. Обосновать предположение, что письмо А.М. Горького Садовскому, приведенное в мемуарном очерке «Горький в Нижнем», является мистификацией писателя.
5. Прокомментировать и охарактеризовать проблематику, особенности поэтики, жанровое своеобразие, место в творчестве Садовского введенных в научный оборот ранее неизвестных произведений писателя: статей «Наполеон в русской поэзии», «Два канцлера», «Философия брака», поэмы «Венимин Терновский», повести «Черный перстень», пьес «Мальтийский рыцарь», «Лиза», а также письма к Е.А. Садовской.
6. Раскрыть специфику пушкинской темы в творчестве Садовского.
7. Доказать концептуальную значимость для эстетической системы Садовского образа-символа самовара.

⁵⁰ Котельников В.А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе / А.В. Котельников. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 864 с.

⁵¹ Федоров А.В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времен / А.В. Федоров. М.: Русское слово, 2017. 752 с.

⁵² Примочкина, Н.Н. Писатель и власть: М. Горький в литературном движении 20-х гг. / Н. Примочкина. М.: Росспэн, 1996. 254 с.

Научная новизна исследования заключается в том, что

1) впервые осуществлено целостное монографическое изучение литературного наследия Б.А. Садовского: охарактеризована система жанров, показано своеобразие авторского стиля, проанализированы главные мотивы творчества, отражающие мировоззрение писателя;

2) существенно уточнена биография Б.А. Садовского;

3) осмыслено значение мистификации в творчестве Б.А. Садовского: показано, что это серьезный пласт в его наследии, выявлено, что мистификации для Садовского становятся формой полемики, в них выражаются сокровенные идеи автора; впервые осуществлен целостный филологический анализ литературной мистификации Садовского «Солдатская сказка» как полемического отклика на поэму А.А. Блока «Двенадцать»; уточнена датировка этого произведения; выявлен подтекст, связанный с личностью поэта Юрия Сидорова; доказывается, что письмо А.М. Горького, включенное в структуру мемуарного очерка «Горький в Нижнем» Садовского, является мистификацией;

4) введены в научный оборот и прокомментированы неизвестные тексты Садовского: статьи «Наполеон в русской поэзии», «Два канцлера», «Философия брака», поэма «Вениамин Терновский», повесть «Черный перстень», пьесы «Мальтийский рыцарь», «Лиза», письмо Е.А. Садовской; показано их значение в творческой эволюции писателя, изучен историко-литературный контекст, осуществлен филологический анализ;

5) подготовлено к изданию полное собрание сочинений Б.А. Садовского: сформирован корпус текстов, продумана структура, сделан научный комментарий.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке методики анализа творчества Б.А. Садовского на основе выявления метатекстовых и интертекстуальных связей, позволившей систематизировать концептуально значимые для его художественного мира сквозные идеи и образы; в осмыслении специфики историзма в творчестве Б.А. Садовского; углублении теории литературной мистификации, уточнении ее значения, своеобразие и функций в литературе Серебряного века; дано обоснование подготовки научного издания полного собрания сочинений Садовского.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования ее результатов в вузовских курсах истории русской литературы Серебряного века, а также литературы 1920-х – 1940-х годов. Работа может быть востребована и при проведении краеведческих исследований, формировании базы данных о литературном процессе в Нижнем Новгороде рубежа XIX-XX вв., а также в послереволюционные

годы. Результаты работы могут способствовать активизации архивных изысканий, публикации новых неизвестных текстов Садовского, станут основой для научного издания полного собрания сочинений писателя и написания его научной биографии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Садовского отличается жанровое многообразие. В его арсенале статьи разного типа (литературный обзор, публицистика с элементами философского трактата и литературоведения, рецензия, фельетон, статья-диалог, литературный портрет, эссе, заметка, некролог); шуточная поэма, поэма в октавах, поэма-сказка, рассказ в стихах; историческая модернистская повесть, роман, повесть из современной жизни, рассказ, литературная сказка-мистификация; мелодрама, пьеса-мистерия, трагедия, комедия, водевиль, монолог, сцена, инсценировка; эпистолярный документ, дневник, письмо-мистификация, записки, воспоминания (в том числе мистификации), стихотворение (в том числе мистификация), лирический цикл. Разножанровость свидетельствует о стремлении Садовского в самых разных видах и формах представить свою художественную реальность, выразить свое понимание истории и современности, свои представления о литературе, о человеке.

2. Садовскому был свойствен блестящий стилизаторский талант, его стилизации были высоко оценены современниками. Для них характерна ориентация на определенные сюжетно-стилевые аспекты русской классики, а также различные историко-культурные документы прошлого, они исполнены полемического подтекста, имеют широкий круг метатекстовых и интертекстуальных отсылок. Стилизация находится у истоков такого вида творчества, как мистификации. Литературные мистификации занимают особое место в наследии Садовского.

3. Мистификация «Солдатская сказка» представляет собой произведение с рядом подтекстов, как полемических, так и глубоко личностных. Во-первых, она является полемическим откликом на поэму А.А. Блока «Двенадцать». Садовской «Солдатской сказкой» хотел продемонстрировать, что сам Блок переосмыслил свое отношение к революции. «Солдатская сказка» является выражением позиции (в иносказательно-метафорической форме) одного из представителей «внутренней эмиграции» 1920-х годов. Во-вторых, эпиграф из «Конька-горбунка» П.П. Ершова к предпубликационному варианту «Солдатской сказки» вводит другой полемический контекст – с В.Г. Белинским. Личностный подтекст связан с фигурой рано умершего поэта Юрия Сидорова. Он актуализируется через топоним «Калуга». Черты Юрия

Сидорова также воплощены в образе главного героя романа «Шестой час», в идейном и образном строе которого выявлены переклички с «Поэмой без героя» А.А. Ахматовой.

4. Метатекстовый анализ письма Горького к Садовскому с оценкой стихотворения «Иоанн Грозный» убеждает, что это мистификация. Источниками для написания «горьковского» письма послужили другой эпистолярный документ, опубликованный Садовским, – письмо к нему А.П. Чехова, подлинность которого вызывает вопросы, и статья Садовского «Л.А. Мей» из его дореволюционного сборника критической прозы «Русская Камена». Садовской, как и Мей, разделял взгляды сторонников государственной школы С.М. Соловьева в оценке правления Ивана Грозного и полемизировал в этом вопросе с А.М. Горьким. Также доказано, что тезис о *балладах Алексея Толстого*, приведенный в письме Горького, отражает эстетические пристрастия Садовского, а не Горького, для которого апелляция к творчеству А.К. Толстого в литературных спорах не была характерной.

5. Проблематика произведений Садовского определяется его монархическими взглядами, неприятием наполеонизма русской либеральной интеллигенции, враждебной державным устоям, идее русскости. В соответствии с присущим ему «духовным консерватизмом» Садовской творил собственный исторический миф, свой идеал опрокидывал в прошлое, в мир монархической патриархальной России.

6. Садовской уделяет особое внимание вопросам формы произведения. Среди характерных для него приёмов организации текста – принципиальное использование эпитафий; кольцевое обрамление; мастерски срежиссированная дробность и фрагментарность повествования в сочетании с подчеркнутым лаконизмом и даже минимализмом на уровне как целого, так и составных частей; диалог двух содержательных планов – явного и тайного; строгая строфика; метатекстовые отсылки.

7. Становление Садовского как художника прошло под знаком пушкинского творчества. Пушкин для Садовского эстетический эталон – всё как в собственных исканиях, так и достижениях классиков и современников, поверяется им. Но такая позиция свойственна исключительно для дореволюционного Садовского. В дальнейшем он «преодолевает», отвергает Пушкина как ложного кумира либеральной интеллигенции Серебряного века, повинной в гибели Государства Российского. Данная мысль отражается во многих произведениях послереволюционного периода. Однако отвергая Пушкина, Садовской остается под его влиянием, что проявляется в таких разных по жанру и направленности произведениях, как пьеса-мистерия «Лиза» и статья «Философия брака».

8. Разные формы диалога Садовского с пушкинской традицией позволяют проиллюстрировать введенные в научный оборот неизвестные тексты Садовского. Ранняя поэма «Вениамин Терновский» написана онегинской строфой, с парафразами из пушкинского романа. В статье «Наполеон в русской поэзии» показана роль Пушкина в развитии наполеоновской темы, в статье «Два канцлера» дается личностная и мировоззренческая характеристика А.М. Горчакова через его отношение к Пушкину. В мелодраме «Мальтийский рыцарь» присутствуют реминисценции из творчества Пушкина. На метатекстовом уровне можно говорить о связи с пушкинской темой и таких текстов, как «Черный перстень» и письмо к Е.А. Садовской.

9. Концептуальное значение в художественном мире Садовского имеет образ-символ самовара. Он рефреном проходит через все творчество Садовского как олицетворение сокровенного душевного *со-гласия, со-единства, со-понимания, со-участия*, самой идеи *русскости*. Самой известной и цитируемой книгой Садовского, его визитной карточкой стал стихотворный сборник «Самовар», в котором утверждаются русские духовно-нравственные ценности. Образом самовара, словно маркером, обозначен ряд мистификаций Садовского. Именно через этот образ в «Солдатской сказке», в отличие от ее фольклорного претекста, происходит посрамление двенадцати наполеоновских злокозненных маршалов-сереброедов, покусившихся на национальные традиции. На метатекстовом уровне «Солдатская сказка» связана с такими послереволюционными произведениями, исполненными контрреволюционного смысла, как рассказ «Аракчеевская шутка» и мистерия «Лиза». В них образ самовара ситуативно связан с графом А.А. Аракчеевым, которого Садовской изображает как главного радетеля за русские ценности. В ряду сокровенных «самоварных» текстов и письмо студента Садовского сестре Елизавете, в год, в который его как литератора узнает Россия.

Апробация результатов исследования. Основные положения, содержание и выводы диссертации отражены в 1 монографии, в 42 статьях, 15 из которых опубликованы в изданиях, входящих в перечень ВАК РФ.

Основные результаты исследования были представлены на Международных и Всероссийских научных конференциях, в том числе: «Горьковские чтения» (Нижний Новгород, 2004, 2016, 2018), «Жизнь провинции как феномен духовности» (2012, 2015, 2016), «Нижегородский текст русской словесности» (2021), «Болдинские чтения» (2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021), «Жизнь и творчество Сергея Антоновича Клычкова» (Москва, Литературный институт им. А.М. Горького, 2009), «Русская

литература XX – XXI вв. как единый процесс» (МГУ, 2014), «Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха» (Москва, ИМЛИ РАН; Рязань, Рязанский госуниверситет им. С.А. Есенина; Государственный музей-заповедник С.А. Есенина (с. Константиново), 2015; 2016), «Державин в истории русской культуры» (Москва, МГУ, 2016), «Опыты чтения – 2019» (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2019), «А.С. Пушкин и русская литература» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019), «XIV Международная научно-практическая конференция PTSCIENCE» (Москва. Всероссийское общество научно-исследовательских разработок, 2020), «Научный форум с международным участием «История литературы и история литературоведения: имена, школы, концепции, локусы» (Нижний Новгород, 2021), «М.А. Зенкевич (1886–1973): Личность, творчество, эпоха». К 135-летию со дня рождения» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2021), «Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа» (Москва, МГУ им. Ломоносова, 2021) и др.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 411 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, формулируются предмет, объект исследования, его цели и задачи, основные положения, выносимые на защиту, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описывается методологическая база, характеризуется степень изученности проблемы, структура работы, апробация.

Глава первая «Литературные мистификации Бориса Садовского» состоит из трех частей.

В первой части **«Борис Садовской в истории литературной мистификации»** дается краткая характеристика мистификаторского творчества Садовского. Показана специфика решения им проблемы стилизации в каждом конкретном случае, в зависимости от адресации мистификации. Выявлено, что характерной чертой мистификаций Садовского является полемичность, и проявляется это в отношении писателей, чью идеологию он не разделял. Интерес Садовского к мистификациям в определенной мере был обусловлен жизнетворческими идеями культуры модерна. Но в главном он был связан с самими особенностями его творческой индивидуальности, в склонности

интегрировать в свой художественный мир сюжетно-стилевые особенности русской классики, различных историко-культурных документов. В арсенале Садовского-мистификатора пять «блоковских» текстов, стихи *под Есенина, Некрасова и Степняка-Кравчинского*, а еще воспоминания о Некрасове и Степняке-Кравчинском. В данном диссертационном исследовании доказывается, что в этот ряд можно включить и опубликованное Садовским письмо к нему А.М. Горького. В перспективе – прочтение под мистификаторским углом зрения некоторых других текстов писателя.

Вторая часть **«“Блоковская” мистификация Бориса Садовского»**, посвященная анализу центрального из «блоковских» текстов – «Солдатской сказке», состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе **«Творческая история. Аспекты проблематики»** раскрываются обстоятельства написания и публикации «Солдатской сказки», ее идейный смысл.

В основе мистификации Садовского – творчески переосмысленная им народная сказка о Наполеоне. По сюжету сказки, русский император Александр I поддается на коварную уловку Наполеона – принять у себя, в столице, двенадцать его «генералов-маршалов», целый год кормить-поить их, да чтоб непременно «подавать им столовую посуду из чистого серебра». Прибыли генералы-маршалы – и стали после каждой трапезы и посуду поедать. В результате в государстве возникла катастрофическая нехватка серебра, не из чего стало монеты чеканить. Спас Отечество от унижения и позора некий Лентяй-Заспиха. Пovyтряс из маршалов все серебро, после чего их окунули в котел с кипящей смолой, в гусином пуху вываляли и спровадили с Русской земли.

«Солдатская сказка» не вызвала сколько-нибудь серьезного внимания критики, не сумевшей понять истинную направленность мистификации. По сути, есть лишь одна статья С.В. Шумихина, установившего факт подлога, – «Мнимый Блок?» (1987), однако она затрагивает, в основном, историко-архивные аспекты и не претендует на раскрытие глубинного смысла произведения. Как доказывается в диссертации, в «Солдатской сказке» Садовской в опосредованной форме, изящно, умно полемизирует с поэмой А.А. Блока «Двенадцать». Отсюда и ответ на вопрос, которым никто из исследователей по-настоящему не задавался (имелась в виду сугубо лишь мистификаторская шутка-розыгрыш): а зачем же Садовской при публикации «Солдатской сказки» выдал ее за принадлежащую перу Блока? А для того, чтобы тот как бы сам себя изобличил, показал несостоятельность своей революционной концепции. Двенадцать красногвардейцев – это как бы те же двенадцать наполеоновских маршалов. Как и «сереброедов» изгоняют с Руси,

так и, придет время, обязательно изгонят и красногвардейцев-безбожников и вождей их, новых Наполеонов.

В метатексте Садовского есть ряд ключевых мотивов, тесно связанных друг с другом. В числе их – мотив инородчества, то есть всего изначально чуждого, враждебного России, ее коренным устоям. Мотив этот проявляется во многих произведениях Садовского, и часто он воплощается через соотнесенность с образом Наполеона.

Обнаруженная нами в архиве статья Садовского «Наполеон в русской поэзии», написанная еще до революции, завершалась так: «Возрождения Наполеоновского культа в будущем трудно ожидать». Это звучит очень определенно: никогда больше Россия не будет поклоняться Наполеону, будет самой собой, будет охранять и утверждать свои исконные ценности, воспитывать и воспевать своих героев. Однако тема Наполеона как олицетворения чуждых России начал остро актуализировалась в XX веке. Именно сквозь призму этого образа Садовской смотрит на революцию 1917 г., которая – и в этом он глубоко убежден – стала плодом преступной деятельности русской либеральной интеллигенции на протяжении предшествующего столетия, и прежде всего в эпоху Серебряного века. Наполеонизм – вот, по мнению Садовского, движущее начало этой интеллигенции, изначально чуждой России. Мотив инородчества, наполеонизма тесно взаимоувязан с мотивом судьбы России, ведущим в метатексте, организующим его структуру.

Во втором параграфе **«Историко-литературный контекст топонимов “Красная площадь”, “Арзамас”»** рассматриваются аспекты, связанные с топонимической символикой «Солдатской сказки».

Творчески перерабатывая народную сказку, Садовской (с его художнической склонностью к точной, колоритной детали) вершит посрамление двенадцати наполеоновских маршалов на Красной площади в Питере. Но, как известно, в Северной столице Красной с 1923 по 1953 годы именовалась бывшая площадь Александра Невского. И, соответственно, символическим подтекстом сказки события ее приурочивались к послереволюционному времени: из Ленинграда, из Советской России изгонялись враги русского народа, блоковские красногвардейцы-большевики. И, как отмечает диссертант, само бытование в родном для Блока городе Красной площади является еще одним подтверждающим фактом того, что «Солдатская сказка» написана отнюдь не в 1915 году (как декларировал Садовской, публикуя ее в 1926 году в журнале «Новая Россия»), а позднее, после 1923 года. И стало быть, уже только в силу данного обстоятельства, Блок никак не мог быть ее автором (он умер в 1921 г.). И так именем Блока,

первого поэта Революции, был нанесен мощнейший удар по утверждавшейся тогда на Руси большевистской ленинской идеологии.

Нами оспаривается точка зрения Шумихина, что выбор Садовским местом жительства избавителя Отечества от наполеоновских маршалов Арзамаса (в предпубликационном варианте сказки) мотивировался возможностью пробуждения в сознании читателя ассоциаций «с известным литературным обществом, в деятельности которого пародии и мистификации отводилось почетное место». В действительности же, как доказывается в диссертации (в частности, с привлечением в качестве аргументации метатекстовых связей сказки с романом «Охота»), это объяснялось глубокой укорененностью в художественном мире писателя различных реалий родной ему Нижегородчины – его символа провинции как таковой, хранительницы национальных устоев и традиций, спасшей Россию в смуту начала XVII века.

В третьем параграфе **«За строкой ершовского эпиграфа к предпубликационному варианту “Солдатской сказки”»** рассмотрен широкий историко-литературный контекст эпиграфа к произведению Садовского – несколько измененной строки из «Конька-горбунка» П.П. Ершова. Акцентируются полемика с В.Г. Белинским (проводником «чуждых литературе идей») – и соответственно солидарность с поставившим под сомнение заслуги «Неистового Виссариона» в русской культуре Ю.И. Айхенвальдом, поддержка его имманентных «Портретов русских писателей» «как ценного вклада в скудную пока сокровищницу русской художественной критики».

В четвертом параграфе **«Историко-литературный контекст топонима “Калуга”»** утверждается (в полемике с мнением Шумихина), что замена в публикационном варианте «Солдатской сказки» названия Арзамас на Калугу вовсе не произвольно, а глубоко закономерно: это связано все с тем же важнейшим образом в системе художественных и жизненных ценностей Садовского – провинциальной, глубинной России, созидательности и хранительности православных, державных устоев и традиций. С Калугой была связана жизнь друга Садовского рано умершего поэта Юрия Сидорова, «высокоталантливого юноши», в стихах которого «дышала правда, доступная только детям и поэтам». И, как подчеркивается в диссертации, указанный топоним актуализирует его образ. В плане характеристики Юрия Сидорова как поэта, человека рассмотрен комплекс соответствующих текстов Садовского, и среди них центральный, имеющий важное значение для понимания авторской мировоззренческой позиции, – роман «Шестой час». Доказывается, что в определенной мере черты Юрия Сидорова воплощены в образе главного героя этого романа – Георгии

Ахматове, «рыцаре без страха и упрека», истинном патриоте. Отмечается, что на концепцию «Шестого часа» в некотором отношении повлияло знакомство Садовского с Г.П. Блоком (двоюродным братом великого поэта), пришедшееся как раз на пору работы над романом.

Дается сопоставительный анализ «Шестого часа» и «Поэмы без героя» А.А. Ахматовой в плане понимания авторами концепции Серебряного века.

Анализ писем Г.П. Блока к Садовскому убеждает, что если бы исследователи своевременно прочли и осмыслили их, то появилась бы возможность гораздо раньше идентифицировать «Солдатскую сказку» как мистификацию.

В пятом параграфе **«Историко-литературный контекст образа-символа самовара»** рассмотрен круг текстов Садовского, для которых характерен указанный образ. Подчеркнуто, что самовар как образ-символ – важнейшее новшество Садовского в сравнении с фольклорной сказкой: там он в таком качестве практически не заявлен и собственно в образную систему как таковую не входит. У Садовского же это главный, концептуальный образ, в контексте которого разрешается основная проблематика произведения, и прежде всего в плане полемики с поэмой Блока «Двенадцать».

Отмечается, что анализ «Солдатской сказки» (написанной, казалось бы, по случаю, в порядке шутки-розыгрыша) показал, что она может служить ключом ко всему творчеству Садовского, акцентировать наиболее характерные аспекты его поэтики и проблематики.

Третья часть **«“Горьковская” мистификация Бориса Садовского»** посвящена доказательству того, что включенное в структуру мемуарного очерка «Горький в Нижнем» письмо к нему А.М. Горького является мистификацией. Выделены и проанализированы тексты, послужившие Садовскому источниками при создании мистификации. Акцентирован полемический подтекст мистификации, связанный с позицией Горького относительно исторической роли Ивана Грозного. Обосновывается, что тезис письма о балладах А.К. Толстого выражает саморефлексию Садовского.

Во второй главе **«Неизвестные тексты Бориса Садовского в аспекте жанра»** вводятся в научный оборот и анализируются выявленные в частных и государственных архивных фондах тексты писателя разных жанров. Глава состоит из шести частей.

В первой части **«Многожанровость творческого наследия Бориса Садовского»** представлен широкий спектр жанров, характерных для творческой индивидуальности Садовского, – критических, поэтических, прозаических, драматургических, мемуарно-дневниковых, эпистолярных.

Вторая часть **«Литературно-критические и публицистические статьи»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе **«Наполеон в русской поэзии»** выявляются основные положения указанной статьи, посвященной отражению наполеоновского культа в русской поэзии XIX столетия. Подчеркнута убедительность позиции автора в том, что наиболее яркую трактовку образа великого французского императора дали Пушкин, Лермонтов, Тютчев. Показана значимость статьи в контексте мировоззренческой и эстетической эволюции автора. С целью конкретизации фетовского тезиса статьи **«Наполеон в русской поэзии»** приводится фрагмент критического этюда Садовского **«“Легенда”» и “Ива”»** (1910).

Во втором параграфе **«Два канцлера»** анализируется дореволюционная статья **«Два канцлера»**, где проводится сопоставительная характеристика личностных и профессиональных качеств А.М. Горчакова и О. Бисмарка. В статье, затрагивающей сугубо историческую тематику, значим и фактор собственно литературный, эстетический. Принципиально выделен пушкинский аспект, связанный с взаимоотношениями великого поэта и его лицейского товарища знаменитого дипломата Горчакова. Доказывается, что хорошо зарекомендовавший себя в пушкинистике Садовской оказался в русле концепции им же раскритикованного П.Е. Щеголева, у которого были **«передвинуты исторические кулисы»** при освещении контактов между Пушкиным и Горчаковым. Подобный просчет допустил и Садовской. Метатекстовая интерпретация статьи дает аргументацию для понимания того, почему Садовской педалирует будто бы **«нелюбовь Горчакова к Пушкину»** и соответственно бесталанность канцлера – в широком значении слова: во многом это объясняется неприятием Горчакова как убежденного приверженца политики императора Александра II, к которому Садовской относился резко отрицательно и чье либеральное реформаторство считал губительным для Русской державы. Определенность позиции Садовского в отношении к Горчакову проявляется уже и в том, что тут же, по контрасту, рисуется величественный образ **«его неравного соперника на дипломатическом поле»**, немца Отто Бисмарка.

В третьем параграфе **«Философия брака»** рассматривается статья **«Философия брака»**, написанная в очень трудный для автора послереволюционный период и раскрывающая его представление о сущности и слагаемых счастливого брака. Определяющий тезис статьи о том, что из всех личностных достоинств женщины, вступающей в супружество, самым ценным является такт. И в этом отношении идеал жены, по Садовскому, Татьяна из романа **«Евгений Онегин»**. Анализ метатекстовых связей статьи с

привлечением биографического фактора дает основания сделать вывод, что образ пушкинской героини концептуально важен в плане как эстетических, так и житейских приоритетов автора. В качестве материала для анализа статьи привлечены, в частности, неизвестные исследователям письма В.П. Уваровой к Садовскому, отношения с которой стали одним из стимулов к написанию «Философии брака».

В третьей части **«Жанр поэмы. “Вениамин Терновский”»** рассмотрены творческая история и прототипическая основа данного произведения (относящегося к начальному периоду литературной деятельности автора), акцентированы аспекты поэтики и проблематики. В качестве материала для создания реального комментария к поэме привлечены мемуары и эпистолярный хранитель рукописи поэмы – московского филолога, уроженки Нижнего Новгорода М.А. Яхонтовой. Установлено, что прототипами персонажей поэмы стали реальные лица, знакомые Садовскому по «Раю» – Нижегородскому Владимирскому реальному училищу, излюбленному месту культурного досуга молодежи дореволюционных лет. Особую роль среди них для поэта играла Лидия Глазова, которой Садовской посвятил ряд стихотворений. Некоторые из них приведены на страницах диссертации. Подчеркивается значимость «Вениамина Терновского» для творческого самоопределения автора: в поэме проявились такие черты оригинального стиля поэта, как сатирически-пародийный слог, шаржевая манера, гротеск. Многочисленные интертекстуальные связи поэмы с «Евгением Онегиным» А.С. Пушкина говорят о внимании Садовского к пушкинскому литературному наследию, интерес к которому стал общей тенденцией культурной жизни рубежа XX – XXI веков.

Четвертая часть **«Жанр повести. “Черный перстень”»** посвящена анализу дореволюционной повести «Черный перстень». Выявлены интертекстуальные связи повести с романом «Огненный ангел» В.Я. Брюсова, показаны как сближающие черты в плане поэтики, так и принципиальные различия, обусловленные художественной индивидуальностью. «Черный перстень» написан в свойственной Садовскому стилизационной манере. Источником стилизации в нем стал не какой-то один трансформируемый *текст*, а цикл *текстов*, причем принадлежащих разным культурным традициям (что в конечном итоге предопределило эклектичность повести – ее основной художественный недостаток). В повести использованы мотивы и образы поэзии Фета, а также некоторые важные для понимания смысла «Черного перстня» реалии творческой и житейской судьбы автора, связанные с кругом персонажей произведения (В. Ахрамович, Садко, В. Ходкевич, Л. Лихутин). Подробно

рассматривается контекст подзаголовка «Черного перстня». Подчеркивается, что в определенной мере произведением-«протографом» «Черного перстня» явился роман «Князь Серебряный» А.К. Толстого. Обосновывается тезис о том, что наследие этого писателя было знаковым для Садовского в плане творческого становления.

В пятой части **«“Цветной занавес”»: пьесы Бориса Садовского»** рассматривается драматургия Бориса Садовского.

В первом параграфе **«Драматургическое наследие Бориса Садовского. Общая характеристика»** отмечается важность целенаправленного изучения театральных произведений Садовского как наименее известной сферы его творческой деятельности; указывается, что пьесы его еще не собраны воедино, не систематизированы должным образом, а тексты некоторых пока не найдены в архивах или утрачены. Показано жанровое разнообразие Садовского-драматурга, в арсенале которого трагедия, мистерия, комедия, мелодрама, водевиль, монолог, сцена, инсценировка... Подчеркивается плодотворное и высоко оцененное современниками сотрудничество Садовского с получившими популярность в эпоху Серебряного века театрами миниатюр, и прежде всего с «Летучей мышью» Н.Ф. Балиева, где были востребованы такие особенности творческого самовыражения Садовского, как лаконизм художественных средств, владение приемами стилизации. Акцентируется применительно к тематике и поэтике пьес их связь с пушкинской традицией. Отмечается необходимость введения в научный оборот рецензий Садовского на спектакли петроградских театров 1915 – 1916 годов.

Второй параграф **«Мелодрама. “Мальтийский рыцарь”»** посвящен интерпретации пьесы, написанной в 1911 году и обращенной к эпохе императора Павла I. Освещаются вопросы творческой истории пьесы, в связи с чем особое внимание уделяется интерпретации рисунков художников И.Е. Репина и Ю.П. Анненкова как откликом современников на чтение и сценическое представление «Мальтийского рыцаря». Акцентируются особенности проблематики пьесы, в частности применительно к судьбе главного героя Федора Лукоянова вопросы воспитания достойного гражданина, в соответствии с державными монархическими традициями и обычаями. С фигурой Мальтийского рыцаря связан такой значимый аспект проблематики пьесы, как злободневность. В начале XX века, в преддверии революционных безбожных смут, Садовской актуализировал образ оболганного историей императора Павла I, жаждавшего, «чтобы крест восторжествовал над злом». Павел был предан знатью, аристократией, а понять и принять его – по глубоко выстраданному убеждению Садовского –

могла только глубинная подлинная Россия, представители которой вот такие честные и чистые душой юноши, как Федор Лукоянов. Герой оступился, но спасен императором и будет верно служить своему государю, долгу, отечеству. В работе подчеркивается, что о подобных провинциальных недорослях, обобщив их именами пушкинских героев, Садовской написал (годом ранее «Мальтийского рыцаря») в статье о Денисе Давыдове в «Русской Камене», имея в виду блистательные ратные подвиги Русской державы в начале XIX века.

Выявляются интертекстуальные связи пьесы с произведениями русской классики: «Капитанской дочкой» и «Евгением Онегиным» Пушкина, «Обломовым» Гончарова, «Игроками» Гоголя. Раскрывается автобиографическое начало произведения, показано, как в пьесе отражены аспекты взаимоотношений автора с Ольгой Чубаровой (Шереметевой). В контексте рисунка Репина – портрета юного студента В.Б. Шкловского, держащего в руке рукопись «Мальтийского рыцаря», рассматривается тема «Б. Садовской и формалисты (В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов)». Приводится неизвестный автограф Шкловского на его книге «Жили-были», подаренной им горьковскому поэту Б.Е. Пильнику, который долгое время руководил городским поэтическим кружком и в определенной мере продолжил традиции домашней литературной студии Бориса Садовского 1920-х годов.

В третьем параграфе «Мистерия. “Лиза”» осуществляется анализ поэтики, проблематики написанной в 1921 году пьесы «Лиза». В соответствии с избранным жанром Садовской дает религиозную трактовку событий 1825 года в России в контексте ветхозаветного мифа о мудром царе Давиде и восставшем против него и потому обретшем смерть его сыне Авессаломе. Выявляется, что вопреки изначальному авторскому стремлению воплотить в «Лизе» концепцию пушкинской эпохи принципиально без Пушкина, фактор великого поэта постоянно ощущается в пьесе на самых разных уровнях: в образной системе, проблематике, поэтике. Указывается, что «Лиза» написана с явной ориентацией на трагедию «Борис Годунов». Отмечается концептуальная значимость образа-символа самовара, который рефреном проходит через всю пьесу. В контексте этого образа в пьесе (а ее сценическое пространство – это пространство *русского* дома графа Аракчеева) дается характеристика персонажа; рисуется картина Царствия небесного и акцентируются насущные идеи земного бытия; зачинаются важные разговоры и встречи ... Отмечается, что на уровне метатекста мистерия «Лиза» перекликается с такими послереволюционными произведениями Садовского, как мистификация «Солдатская сказка» и

рассказ «Аракчеевская шутка». В них также представлен образ Аракчеева – и также, неизменно, через посредство символа самовара.

Шестая часть **«Эпистолярный Бориса Садовского. Письмо к сестре Е.А. Садовской»** акцентирует необходимость изыскания, публикации и изучения эпистолярного наследия Садовского в целях лучшего понимания особенностей творческого становления писателя, реконструкции его научной биографии. Приводится текст не публиковавшегося ранее письма Садовского к его сестре Е.А. Садовской от 14 марта 1904 г. (пришедшегося на самый канун его сотрудничества в журнале «Весы») и дается историко-литературный и биографический комментарий к нему. Выделяются и подробно рассматриваются такие аспекты письма, связанные с творческой биографией Садовского, как взаимоотношения с В.Я. Брюсовым и художницей О.П. Михайловой (практически неизвестной исследователям культуры Серебряного века). Кроме того акцентируется мотив самовара, концептуально значимый для понимания мировоззренческих основ писателя. Ставится вопрос о влиянии на Садовского философии Г. Сковороды. Цитируются не публиковавшиеся письма к Садовскому С. Городецкого и В. Рождественского.

Обосновано, что, казалось бы, совсем рядовое, частное, домашнее, «по случаю» письмо студента Садовского из Москвы в Нижний является значимым источником в плане постижения закономерностей жизни и творчества писателя.

В **заключении** подводятся итоги исследования и обозначаются перспективы дальнейшего изучения данной темы.

1. Уже в самом начале творческой деятельности Садовского обозначилась его тенденция к жанровому многообразию. Но известность в литературном мире он получил прежде всего как литературный критик. И это связано с журналом «Весы», куда молодого писателя пригласил В.Я. Брюсов в качестве постоянного сотрудника. В «Весах» проявились дар Садовского-полемиста, умение точно почувствовать суть анализируемого литературного явления и поставить его в контекст актуальных проблем эстетики и жизни. Современники это высоко оценили, при всей порой спорности отдельных суждений Садовского. Общую коллективную оценку его критического творчества выражает мнение С.П. Боброва: «Нельзя не вспомнить деятельность Садовского в “Весах”, где рецензии его, резкие, злые, грубоватые, ловко сшибали с претенциозных позиций не одну “почтенную книгу”». В «Весах» Садовской опубликовал свыше 60 своих текстов. Есть среди них и стихи, и рассказы, но по большей части – это литературно-критические работы: рецензии на книжные новинки, литературные обзоры

(журнальных публикаций), аналитические статьи, библиографические заметки.

Представление в диссертации неизвестных текстов Садовского мы начали как раз с анализа его статей. По стилю, направленности «Два канцлера» написаны в «весовской» манере Садовского. «Наполеон в русской поэзии» характеризуется автором как очерк. Он представляет собой литературный обзор, выявляющий аспекты трансформации «наполеоновского культа» в без малого вековой истории русской поэзии. Статья, по всей видимости, писалась к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года. Написанная в 1923 году «Философия брака» – это по преимуществу публицистическая статья с элементами философского трактата, в котором в качестве аргументации используется литературный факт. В ней проявился излюбленный прием Садовского при его обращении к самым разным аспектам истории, культуры, быта – эстетизация. Для аргументации своих выводов автор в той или иной степени апеллирует к Шекспиру, Гомеру, Гоголю, Данте, Крылову, Достоевскому, Л.Н. и А.К. Толстым, Чехову, Пушкину... В ряду критических жанров Садовского также литературный портрет (в книге «Русская Камена», в частности, рассмотренный в ходе анализа «Двух канцлеров» портрет В.Г. Бенедиктова), фельетон («Рыцарь в ресторане»), статья-диалог («Жизнь и поэзия»), эссе («О романтизме у Гоголя», «Толстой и смерть»), некрологический очерк («Памяти Ю.А. Сидорова»). Все эти работы включены в книгу «Ледоход». Выявление в архиве и интерпретация в диссертации неизвестных статей Садовского актуализировали насущную необходимость целенаправленного изучения критического наследия Садовского, введение в научный оборот текстов, которые не републиковались и практически неизвестны современному исследователю (в частности, театральных рецензий 1915–1916 гг.).

Шуточная поэма «Вениамин Терновский», написанная в первый «весовский» год (экспромтом, что называется, за один присест) и не предназначавшаяся для публикации и рассчитанная на узкий круг близких и знакомых, имеет тем не менее большое значение в плане понимания тенденций творческого самоопределения автора. В ней проявились такие черты оригинального стиля поэта, как сатирически-пародийный слог, шаржевая манера, гротеск.

Написанный в жанре модернистской исторической повести «Черный перстень» ярко демонстрирует стилизационные принципы автора. Особенность «Черного перстня» в том, что источником стилизации в нем стал не какой-то один трансформируемый *текст*, а цикл *текстов*, причем

принадлежащих разным культурным традициям (что в конечном итоге предопределило эклектичность повести – ее основной художественный недостаток).

2. Стилизации во многом определили писательскую репутацию Садовского в искусстве Серебряного века. Они получили высокую оценку современников, в частности З.Н. Гиппиус, Ю.И. Айхенвальда, М.О. Гершензона, Л.П. Гроссмана. Некоторые (П.И. Бартенев, Г. Хетсо) даже всерьез принимали созданные в стилизационной манере произведения Садовского за подлинные исторические документы.

Из представленных в диссертации неизвестных текстов Садовского в плане стилизации выделяется модернистская историческая повесть из эпохи Ивана Грозного «Черный перстень». Как было уже отмечено, предметом стилизации в ней стал материал, принадлежащий разным культурным традициям, что в конечном итоге предопределило ее эклектичность. В повести, в частности, использованы мотивы и образы поэзии Фета, а также некоторые важные для понимания смысла «Черного перстня» реалии биографии и творчества автора, связанные с кругом персонажей произведения (В. Ахрамович, Садко, В. Ходкевич, Л. Лихутин). Произведением-«протографом» «Черного перстня» явился роман «Князь Серебряный» А.К. Толстого.

Мелодрама «Мальтийский рыцарь» отличается интертекстуальными отсылками к произведениям русской классики: «Капитанской дочке» и «Евгению Онегину» А.С. Пушкина, «Обломову» И.А. Гончарова, «Игрокам» Н.В. Гоголя. Реминисценциями из «Евгения Онегина» исполнена шуточная поэма «Вениамин Терновский».

Стилизации вызвали к жизни и такой важный пласт творческого наследия Садовского, как мистификации. Стилизационный принцип здесь преломлялся по-разному, в зависимости от каждого конкретного случая. Так, сочиняя стихи «под Некрасова», Садовской мастерски симитировал художественную манеру поэта. А предлагая для публикации свою «Солдатскую сказку» под авторством уже умершего к тому времени А.А. Блока, совершенно не характерную для его стиля, исходил из того, что будто бы сам поэт написал ее «под видом пробы “начинающего автора”», сознательно дистанцируясь от самого себя. Мог Садовской переадресовать другим авторам и свои напечатанные ранее стихотворения. Почти все мистификации Садовского вошли в научный оборот и в течение долгого времени воспринимались специалистами как подлинные тексты.

3. Впервые в отечественной науке установлено, что мистификация «Солдатская сказка», традиционно считавшаяся лишь неприятельской

шуткой-розыгрышем, будто бы написанной в 1915 году Блоком на пари с Садовским (напечатают – не напечатают), есть на самом деле полемический отклик монархиста Садовского на поэму «Двенадцать», поданный с иносказательным изяществом: получалось, что Блок сам себя разоблачал, дезавуировал свои революционные идеи. Анализ топонима «Красная площадь» в тексте «Солдатской сказки» позволил прояснить вопрос об истинной датировке этого произведения: оно было написано не ранее 1923 года, то есть уже после смерти Блока. Контекст топонима «Арзамас» в предпубликационном варианте «Солдатской сказки» акцентировал концептуально важную для Садовского тему малой родины, Нижегородчины, российской провинции, истинной хранительницы державных нравственных ценностей. Введение в текст произведения топонима «Калуга» актуализировало образ друга Садовского, рано умершего поэта Юрия Сидорова, патриота-подвижника, выходца из провинции. Черты Юрия Сидорова воплощены в образе главного героя метатекстово связанного с «Солдатской сказкой» романа «Шестой час», ключевого произведения Садовского. Выявлена перекличка «Шестого часа» с «Поэмой без героя» А.А. Ахматовой в контексте темы трагической вины русской интеллигенции Серебряного века в гибели Русской державы.

4. Осуществленный контекстный анализ письма Горького к Садовскому, в котором приводилась оценка стихотворения адресата «Иоанн Грозный», позволил установить, что это мистификация. При этом предложена дополнительная аргументация для доказательства выдвинутой И.Н. Сухих гипотезы о том, что опубликованное Садовским письмо к нему А.П. Чехова также есть мистификация. Установлено, что чеховское письмо и статья Садовского «Л.А. Мей» из его дореволюционного сборника критической прозы «Русская Камена» послужили источниками для написания «горьковского» письма. Из фрагмента статьи о Л.А. Мее сложился важнейший тезис «горьковского» письма: «Хорошие стихи, но только потому, что они описывают природу». Садовской, в своих полемических целях, так построил логику письма Горького, что в его оценках правления царя Ивана Грозного обнаружился исторический анахронизм: своими дореволюционными суждениями, спроецированными на время их публикации, Горький как бы поддержал позицию Сталина по Грозному и опричнине и, более того, предсказал ее за десятилетия. Обосновано, что тезис *о балладах Алексея Толстого*, приведенный в письме Горького, связан прежде всего с саморефлексией Садовского, всегда признававшего свою причастность с художественными исканиями этого поэта. В эстетической же системе Горького творчество А.К. Толстого занимало незначительное

место, и апелляция к нему в литературных спорах пролетарского классика не была характерной.

5. Садовского отличали стойкие монархические убеждения. Об этом говорит уже его подростковый дневник: «Завтра – Священный день Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора Николая II Александровича. Я горжусь тем, что нахожусь под властью самодержца, а не паршивого королишки, который слова не может пикнуть без согласия своего рейхстага или парламента, дающего ему средства на жизнь, не под властью взбалмошной республики, глупейшего государства в мире, а САМОДЕРЖЦА, помазанника Божья, отцы, деды и прадеды которого властвовали также и над нашими предками». И в советские годы Садовской не скрывал свой монархизм, порой даже демонстративно его подчеркивая. Монархизм Садовского сочетался с разоблачением им наполеонизма русской либеральной интеллигенции, повинной, по его глубокому убеждению, в гибели русской державы. Этот мировоззренческий аспект определил ведущую проблематику творчества Садовского. Он характерен, в частности, для таких разных по жанру, стилю, направленности произведений, как мистификация «Солдатская сказка», статьи «Наполеон в русской поэзии» и «Два канцлера», пьесы «Мальтийский рыцарь» и «Лиза», романы «Шестой час», «Пшеница и плевелы», «Охота», «Карл Вебер», повести «Кровавая звезда», «Александр Третий».

Для понимания истоков мировоззренческой позиции Садовского важное значение имеет его статья 1907 года (времени активного сотрудничества в символистском журнале «Весы») «Чувство прошлого в поэзии графа А. Толстого». В ней он, анализируя творчество любимого с детства поэта в контексте определяющего художническое мировидение последнего «чувства прошлого», подчеркивает главную черту личности поэта – «духовный консерватизм». Статья эта опосредованно характеризует творческую манеру самого Садовского, акцентирует и его *духовный консерватизм, его чувство прошлого*. Идеалы Садовского были в прошлом, в мире монархической патриархальной России.

6. Садовской всегда трепетно относился к вопросам формы произведения. Уже в этом проявлялась его ориентация на классические образцы отечественной литературы, следование заветам мастеров. И читатели, исследователи всегда это отмечали. Так, оценка авторитетного ученого В.Э. Вацура романа «Пшеница и плевелы»: «определенно это произведение мастера», «лучшие страницы его достигают иной раз виртуозного мастерства», – была оценкой, в том числе, и со стороны поэтики, элементов формы. Своего рода фирменным знаком Садовского было, в

частности, принципиальное использование эпитафий. Садовской предпосылал эпитафий как произведениям в целом, так и частям и главам их, поэтическим и прозаическим сборникам, критическим и публицистическим статьям, даже записям снов и дневникам. И по мере того как развивалось и крепло творчество, возрастал интерес к эпитафиям. И как раз в послереволюционные годы (когда писалась «Солдатская сказка») это проявилось со всей очевидностью, в частности, и в правке автором своих произведений (отбираемых им с целью издать в виде Собрания сочинений): если в некоторых из них отсутствовали эпитафий, они обязательно добавлялись. Эпитафий у Садовского не просто характерная примета его писательской манеры, но и один из важнейших факторов, формирующих его метатекст.

Как правило, в качестве эпитафий избирались цитаты из отечественной классики (в том числе из духовного источника ее, Книги книг, Библии). И она оказывалась неким магическим кристаллом, сквозь призму которого провиделось написанное Садовским; самим автором задавалось прочтение его произведений как бы в присутствии классики. Из всего комплекса самых разнообразных эпитафий выделяются прежде всего строки авторов, чьи творческие уроки Садовской считал особо важным учитывать в деле разработки им концепции исторической миссии России (и тут не все объяснялось лишь симпатиями). Так, строки принципиально нелюбимого им Лермонтова в романе «Пшеница и плевелы» определяют отторжение его как воплощения антихристианского начала от подлинной, по заветам пошедшего на Голгофу Христа, жизни, – отторжение самой корневой, исконной Россией. И, наоборот, слово Гоголя, которого Садовской ценил исключительно высоко, как немногих вообще (с присущим ему максимализмом: «...из всей нашей литературы можно оставить только Жуковского и Гоголя»), становится камертоном романа «Охота» с его сказкой о милорде Макинтоше, где все поверяется мнением народным, гласом многомиллионного простого сословия, хранителя истинных нравственных ценностей. И закономерно, что глава, где, собственно, и содержится сказка, по существу, завершает роман. И главе этой автор сообщает вполне отвечающий ей эпитафия (который, если точнее сказать, направляет ее): «И плетет тихие речи разночинный отработавшийся народ». В них главное – мудрость, спокойная уверенность, в чем и нуждается Россия на пороге смутных времен.

У «Солдатской сказки», ее предпубликационного варианта, был эпитафия из «Конька-горбунка» П.П. Ершова. С ним связан полемический посыл, в частности в отношении В.Г. Белинского, чьи эстетические взгляды и

идеологию Садовской во многом не разделял. Также наличествуют эпитафии в шуточной поэме «Вениамин Терновский», в первой и второй песнях из трех. Отсутствие эпитафия в третьей части (а он должен быть, по законам симметрии) объясняется тем, что был по оплошности утерян в ходе рукописного копирования текста поэмы в кругу близких знакомых автора.

Также характерными для Садовского приемами организации текста являются:

- *кольцевое обрамление*; в частности, это присуще разбираемому в диссертации эпистолярному тексту – письму Садовского сестре Елизавете Садовской, написанному в самом начале его первого «весовского» московского года, открывающего перспективы его творческого пути. Это письмо автор закольцевал имеющим концептуальное для него значение мотивом чаепития и связанным с ним образом самовара, тем самым своеобразно обобщил весь строй своих важных мыслей и дум, которые поверялись близкому человеку. Изящный композиционный ход, хотя, может быть, и произвольный, спонтанный, что, впрочем, только подчеркивает его ценность. Также примером кольцевой композиции может служить рассказ «Сержант Богодуров», начинающийся и завершающийся обращением автора мемуарных записок к своим внукам.

- *мастерски срежиссированная дробность и фрагментарность повествования* в сочетании с подчеркнутым лаконизмом и даже минимализмом на уровне как целого, так и составных частей. Данный аспект свойствен, в частности, романам «Пшеницы и плевелы», «Шестой час» (это произведение в одной из статей мы охарактеризовали как *роман-конспект*), повестям «Александр Третий», «Кровавая звезда», ряду рассказов.

- *диалог двух содержательных планов* – явного и тайного («Солдатская сказка», «Лиза»).

- *строгая строфика* (в частности, онегинская строфа в поэме «Вениамин Терновский», октава в поэмах «Она», «Любовь», сонет в «Императорском венке»).

- *метатекстовые отсылки* (в частности, в «Солдатской сказке», «Мальтийском рыцаре», «Лизе»).

7. Садовской как художник сформировался под влиянием пушкинской эстетики. Выпуская свой первый сборник стихов «Позднее утро», он счел важным указать в предисловии, что «причисляет себя к поэтам пушкинской школы». Особую склонность Садовского к Пушкину заметили и оценили современники. Так, Ходасевич, один из близких друзей Садовского, как никто знавший и понимавший его, свидетельствовал: «...неизменно выступая на стороне так называемой “символистской” (не точнее ли говорить –

“модернистской”?) фаланги, порою даже в стиле ее самых деятельных застрельщиков, – сам Садовской, по своим писаниям, вряд ли вполне может быть отнесен к этой фаланге. Его истинные учителя не Бальмонт, не Брюсов – а Пушкин, Фет, Вяземский, Державин. Если бы модернистов не существовало вовсе – Садовской был бы таков же или почти таков же, каков он был. Можно, пожалуй, сказать, что Садовской-поэт более девятнадцатого столетия, нежели двадцатого». Символично, что в выстроенном здесь ряду поэтов-учителей Садовского первое место занимает именно Пушкин. И вполне заслуженно Садовской имел в литературных кругах репутацию «пушкинианца», с творчеством великого поэта он соразмерял все ценное в искусстве. Тезис об эталонности пушкинского творчества проходит рефреном в его литературной критике. Однако в послереволюционный период отношение Садовского к Пушкину кардинально меняется. Великий поэт теперь – ложный кумир ненавистной Садовскому интеллигенции Серебряного века, повинной в гибели монархически-православной России (именно такая концепция будет определять всю последующую литературную деятельность Садовского), и его нужно развенчать, «преодолеть». Данной позицией отмечены многие произведения Садовского, в частности такие знаковые, как «Шестой час», «Кровавая звезда», «Охота», «Пшеница и плевелы». В последнем, к примеру, утверждается: «Ведь вся его поэзия от беса. В Пушкине, как в золоченом орехе, кроется ад невероятной разрушительной силы; у церковных людей этот яд называется соблазном. Только действие его не скоро скажется. Ох, не скоро!»

Однако отвергая Пушкина, Садовской остается под его влиянием. И это, в частности доказывают такие открытые нами его неизвестные тексты, как пьеса-мистерия «Лиза» и статья «Философия брака». Так, в «Лизе», вопреки изначальному авторскому стремлению воплотить концепцию пушкинской эпохи принципиально без Пушкина, фактор великого поэта постоянно ощущается в пьесе, на самых разных уровнях: в образной системе, проблематике, поэтике. Статья «Философия брака», с ее резкими категоричными суждениями в адрес Пушкина как писателя и человека, завершается тем не менее величанием созданного им образа Татьяны Лариной, которая является для Садовского женским идеалом на все времена.

8. Во введенных в научный оборот неизвестных текстах Садовского проявляются разные формы диалога Садовского с пушкинской традицией. Так, в шуточной поэме «Вениамин Терновский», знаменовавшей начало творческой деятельности автора, использована онегинская строфа, даются парафразы из пушкинского романа, пародируется сюжетная линия Татьяны и Онегина в любовной истории героев поэмы. В статье «Наполеон в русской

поэзии» Садовской выявляет значение Пушкина в разработке наполеоновской темы и подчеркивает, что ему принадлежит в этом определяющая и связующая роль; своим гением, считает автор, Пушкин знаменовал переход к той эпохе в развитии русской поэзии, когда «создалось все наиболее выдающееся из того, что было сказано о Наполеоне, наша, так сказать, “Наполеониада”». В статье «Два канцлера» дается личностная и мировоззренческая характеристика знаменитого русского дипломата А.М. Горчакова, в контексте его взаимоотношений с Пушкиным, лицейским однокашником. «Великий поэт, – подчеркивает Садовской, – любил Горчакова». Многозначительно подчеркивает: пушкинское расположение к какому-либо человеку мыслится как фактор значимый для него: сам Пушкин выделил. «К сожалению, дипломат платит поэту иной монетой». И это уже с весьма невыгодной стороны показывает Горчакова. В пьесе «Мальтийский рыцарь» вводятся реминисценции из «Капитанской дочки», а метатекстовыми связями в линии главных героев оттеняется онегинский сюжет. Метатекст позволяет обнаружить присутствие фактора пушкинского творчества даже в таких введенных в научный оборот текстах, как «Черный перстень» и письмо к Е. Садовской, где, казалось бы, пушкинская тема не заявлена вовсе.

9. Концептуальное значение имеет в мировоззренческой системе Садовского образ-символ самовара. Он рефреном проходит через все творчество Садовского: от детского дневника и до исповедальных записей «несозвучного с эпохой» писателя в зрелый период его творчества в стенах Новодевичьего монастыря. Это для него олицетворение сокровенного душевного *со-гласия, со-понимания, со-участия*, самой **идеи русскости**. И, видимо, самой судьбе угодно было, чтобы самой известной, самой цитируемой книгой Садовского, его своеобразной визитной карточкой стал стихотворный сборник «Самовар» с его защитой русских духовно-нравственных ценностей. Сборник символически вышел в 1914 г., в канун Первой мировой войны, положившей начало сокрушению этих ценностей. Никто в русской литературе не может сравниться с Садовским по степени интенсивности, увлеченности в обращении к теме самовара. Симптоматично, что этой темой, словно маркером, обозначен ряд его мистификаций, казалось бы, призванных по сути своей скрыть авторство. Именно через посредство образа-символа самовара в «Солдатской сказке» разрешается основная авторская проблематика – низвержение коварно подосланных Наполеоном на Русь с целью подорвать ее основы двенадцати маршалов-сереброедов, а в подтексте – двенадцати блоковских красногвардейцев во главе с Антихристом–Наполеоном, покусившихся на самое святое – национальные

традиции, державные монархические ценности. На метатекстовом уровне «Солдатская сказка» перекликается с такими послереволюционными произведениями, исполненными контрреволюционного смысла, как рассказ «Аракчеевская шутка» (опубликованный в советской печати: указанный смысл в нем не был открыт ни тогда, ни в наше время) и мистерия «Лиза». В них также представлен как концептуальный символ самовара, и также в контексте его дается характеристика графа А.А. Аракчеева, главного персонажа - радателя за русские ценности.

Образ самовара в тех или иных вариациях стал привычной (и едва ли не обязательной) темой в эпистолярной Садовского, потому разбираемое нами его раннее письмо сестре Елизавете симптоматично в этом плане. Иллюстрацией этого тезиса может служить следующая фраза из письма Садовскому поэта В.А. Рождественского, в надежде на сокровенное знакомство, родство душ: «...я Вас давно уже люблю за русские березы, николаевские кивера и вечерние самовары»; в них выражена важная идея: *вечерние самовары* здесь в едином ряду и в едином контексте с *русскими березами и николаевскими киверами*. Очень точно здесь подмечено главное в творческом и мировоззренческом самоопределении адресата как в дореволюционную пору, так и, что особенно важно, в послереволюционную.

В ряду сокровенных «самоварных» текстов Садовского мы числим и его студенческое письмо сестре Елизавете, в год, в который его как литератора узнает Россия.

Перспективы исследования – издание полного собрания сочинений Садовского, подготовка его научной биографии, дальнейшее изучение и публикация архивных материалов.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Изумрудов Ю.А. Розы поэта Бориса Садовского / Ю.А. Изумрудов // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2011. № 6(35). С. 39-49.
2. Изумрудов Ю.А. Апокалипсис Б. Садовского / Ю.А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4-1. С. 393-397.
3. Изумрудов Ю.А. Большевизм и интеллигенция в интерпретации Бориса Садовского / Ю. А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 335-340.
4. Изумрудов Ю.А. «Блоковская» мистификация Бориса Садовского /

- Ю.А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 199-204.
5. Изумрудов Ю.А. К вопросу о проблематике «Солдатской сказки» Б.А. Садовского / Ю. А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2-1. С. 170-175.
6. Изумрудов Ю.А. За строкой ершовского эпитафия к «блоковской» мистификации Б. Садовского «Солдатская сказка» / Ю.А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 277-283.
7. Изумрудов Ю.А. К вопросу об издании литературного наследия Бориса Садовского / Ю.А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 181-189.
8. Изумрудов Ю.А. Неизвестный Борис Садовской в архиве М.А. Яхонтовой / Ю. А. Изумрудов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 6. С. 54-59. DOI 10.31857/S241377150003062-1.
9. Изумрудов Ю.А. Историко-литературный и биографический комментарий к письму Б.А. Садовского Е.А. Садовской / Ю.А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 224-232.
10. Изумрудов Ю.А. К вопросу об эпитафии к «блоковской» мистификации Бориса Садовского «Солдатская сказка» / Ю. А. Изумрудов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1(74). С. 428-430.
11. Изумрудов Ю.А. «В память наших десятилетних, не омраченных ничем дружелюбных отношений...»: неизданные письма Бориса Садовского к Александру Блоку и их историко-литературный контекст / Ю.А. Изумрудов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 44-58. DOI 10.31857/S241377150007305-8.
12. Изумрудов Ю.А. Пьеса Бориса Садовского «Мальтийский рыцарь»: вопросы творческой истории, поэтики, проблематики / Ю.А. Изумрудов // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1(80). С. 425-428. DOI 10.24411/1991-5497-2020-00171.
13. Изумрудов Ю.А. Скрытый онегинский сюжет в пьесе Бориса Садовского «Мальтийский рыцарь» / Ю.А. Изумрудов // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1(80). С. 302-304. DOI 10.24411/1991-5497-2020-00121.
14. Изумрудов Ю.А. Сергей Дурылин и Борис Садовской: неизданная переписка / Ю. А. Изумрудов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 3. С. 42-57. DOI 10.31857/S241377150015621-6.
15. Изумрудов Ю.А. Пушкинский контекст пьесы Бориса Садовского «Лиза» / Ю. А. Изумрудов // Филология: научные исследования. 2022. № 5. С. 32-43. DOI 10.7256/2454-0749.2022.5.37988.

Монография:

16. Изумрудов Ю.А. Нижегородский поэт Иван Ермолаев: Портрет на фоне эпохи (Новое имя из литературного окружения Сергея Есенина) / Ю.А. Изумрудов. Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2017. 304 с.

Публикации в других научных изданиях:

17. Изумрудов Ю.А. Несправедливо забытый, высокоодаренный писатель / Ю.А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2000. № 1. С. 69-76.
18. Изумрудов Ю.А. Тернистый путь (О творчестве Бориса Садовского / Ю.А. Изумрудов // Нижний Новгород: Литературно-художественный журнал. 2000. № 3. С. 159–191.
19. Изумрудов Ю.А. Стихотворения Б.А. Садовского. Комментарий / Ю.А. Изумрудов // Нижний Новгород: Литературно-художественный журнал. 2000. № 3. С. 192–199.
20. Изумрудов Ю.А. Из этюдов о Борисе Садовском / Ю.А. Изумрудов // Сергач: Литературно-краеведческий альманах. Нижний Новгород: Стеллариум, 2002. С. 111–125.
21. Изумрудов Ю.А. Две судьбы: Б. Садовский и М. Горький / Ю.А. Изумрудов // Нижегородский музей. 2005. № 3-4. С. 13–26.
22. Изумрудов Ю.А. «Страшно жить без самовара» / Ю.А. Изумрудов // Нижегородский текст русской словесности. Нижний Новгород: Литера, 2007. С. 207–210.
23. Изумрудов Ю.А. Борис Садовской. 1881 – 1952. Нижегородские страницы: С крестом и звездой. Нижний Новгород: Литера, 2008. С. 78–79.
24. Изумрудов Ю.А. Нижегородские бытописатели Смирновы / Ю.А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 273-276.
25. Изумрудов Ю.А. Судьбы писательские... / Ю.А. Изумрудов // Жизнь провинции как феномен духовности. Нижний Новгород: «Вектор-ТиС», 2008. № 3. С. 110–118.
26. Изумрудов Ю.А. Сергей Клычков: Имя из творческой биографии Бориса Садовского / Ю.А. Изумрудов // Жизнь и творчество Сергея Антоновича Клычкова. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2009. С. 24–25.
27. Изумрудов Ю.А. Сергей Клычков и Борис Садовской / Ю.А. Изумрудов // Наш современник. 2011. №.7. С. 250–260.
28. Изумрудов Ю.А. Сергей Клычков и Борис Садовской / Ю.А. Изумрудов // Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы. Москва: Литературный институт им. А.М. Горького, 2011. С. 249-269.
29. Изумрудов Ю.А. «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове:

- дорога!» / Ю.А. Изумрудов // Жизнь провинции как феномен духовности. Нижний Новгород: Книги, 2011. С. 86–88.
30. Изумрудов Ю.А. О литературной мистификации Б. Садовского «Солдатская сказка» / Ю.А. Изумрудов // Русская литература XX – XXI вв. как единый процесс (Проблемы теории и методологии изучения). М: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. С. 113–116.
31. Изумрудов Ю.А. Садовской Б.А. Наполеон в русской поэзии / Научная подготовка текста, комментарии и публикация Ю.А. Изумрудова // Болдинские чтения 2016. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 257–284.
32. Изумрудов Ю.А. Нижегородский поэт Иван Ермолаев: Новое имя в литературном окружении Сергея Есенина / Ю.А. Изумрудов // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Москва-Константиново-Рязань: ГМЗ С.А. Есенина, 2016. С. 643–663.
33. Изумрудов Ю.А. Борис Садовской и его статья «Наполеон в русской поэзии» / Ю.А. Изумрудов // Болдинские чтения 2016. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 253–257.
34. Изумрудов Ю.А. Неизвестная статья Бориса Садовского «Два канцлера» / Ю.А. Изумрудов // Болдинские чтения 2017. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 64-75.
35. Изумрудов Ю.А. Судьба Ивана Ермолаева / Ю.А. Изумрудов // Нижний Новгород: Литературно-художественный журнал. 2017. № 2. С. 218–233.
36. Изумрудов Ю.А. Григорий Шмерельсон: судьба «воинствующего имажиниста» / Ю.А. Изумрудов // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. II. Москва-Константиново-Рязань: ГМЗ С.А. Есенина, 2017. С. 656–679.
37. Изумрудов Ю.А. Судьба Ивана Ермолаева, земляка и знакомого Сергея Есенина / Ю.А. Изумрудов // Осиянная Русь: Общественно-литературный журнал. 2017. Сентябрь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://osrussia.ru/content/sudba-ivana-ermolaeva> (дата обращения 17.05.2020).
38. Изумрудов Ю.А. Неизвестная «онегинская» поэма Бориса Садовского / Ю.А. Изумрудов // Болдинские чтения: 2018. Болдино: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 171-179.
39. Изумрудов Ю.А. На подступах к Нижнему Новгороду: об одной странице из биографии Бориса Михайловича Эйхенбаума / Ю.А. Изумрудов // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 2. С. 128 -138.
40. Изумрудов Ю.А. Из истории драматургических замыслов Бориса

- Садовского: мелодрама «Мальтийский рыцарь» / Ю.А. Изумрудов // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 4. С. 168-202.
- 41.Изумрудов Ю.А. «В те дни, когда в преддверье “рая”»: Борис Садовской и его поэма «Вениамин Терновский» / Ю.А. Изумрудов // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 1. С. 140-172.
- 42.Изумрудов Ю.А. Неизвестная пьеса Бориса Садовского «Лиза» / Ю.А. Изумрудов // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 3(7). С. 92-126.
- 43.Изумрудов Ю.А. «Полеты в запредельное»: неизвестная повесть Бориса Садовского «Черный перстень» / Ю.А. Изумрудов // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 4(12). С. 137-160.

Подписано в печать 23.06.2022 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 2. Заказ № 790. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37